

В. Э. Орел

СЛАВ. *UDŬ

Славянское **udŭ* обычно реконструируется на основе следующих соответствий: рус. *уд*, др.-рус. *оудъ* 'часть тела', 'член' ст.-слав. *оудъ* 'член', болг. *уд* то же, с.-хорв. *ѹд* то же; чеш., словац. *úd* 'член', польск. *ud* 'ляжка'¹. Наряду с этим существуют также формы среднего рода, типа др.-рус. *оудо* 'часть тела', 'член', 'кусочек (мяса)' с.-хорв. *ѹдо* 'кусочек (мяса)', польск. *udo* 'ляжка'² (в древнерусском форма *оудо* оказывается втянутой в парадигму основ на *-es). Характер распространения слов среднего рода указывает, по-видимому, на их независимое вторичное возникновение; что касается польск. *udo*, *ud*, то Брюкнер³ прямо говорит об исходности формы мужского рода и связывает образование формы среднего рода с чисто польскими морфологическими процессами.

Слав. **udŭ* обладает рядом особенностей, которые делают его этимологизацию сложной. Главная из них — наличие двух легко выделяемых групп значений (вполне аналогичных соответствующим значениям лат. *membrum*): 'часть тела вообще', 'кусочек мяса', 'ляжка' — и 'член'. Поскольку направление семантического развития, во всяком случае, не безусловно ясно, то и этимологии этого слова оказываются в непосредственной зависимости от выбранной семантической версии. И действительно, если оставить в стороне целый ряд явно не соответствующих действительности этимологий⁴, то останутся две: этимология Голуба—Копечного⁵, возводящая слав. **udŭ* к и.-е. **au-dhos* 'нечто отдаленное, выставленное вонне' (в свою очередь к и.-е. **dhē-*, о чем говорит Фасмер⁶), и этимология Горяева⁷, повторенная впоследствии Р. Якобсоном⁸, связывающая рус. *уд* с *удить* 'зреть, наливаться'

¹ Фасмер IV, с. 148.

² Там же.

³ *Brückner*, с. 592.

⁴ См. о них Фасмер IV, с. 148—149.

⁵ *Holub — Kopečny*, с. 400.

⁶ Фасмер IV, с. 149.

⁷ Горяев, с. 385.

⁸ *Jakobson R. Marginalia to Vasmer's Russian Etymological Dictionary (P—Я)*. — *IJSLP*, 1959, в. 1/2, р. 273. Р. Якобсон особо указывает на связь *удить* и *уд*. Этому фактически противоречит интересный анализ этой

и *вымя*. Обе этимологии связаны с двояким толкованием слав. **udъ* — как '(выступающая) часть тела вообще' и как 'член' (= *'набухающий') соответственно.

Обе этимологии едва ли могут быть признаны вполне удовлетворительными уже потому, что и Голуб—Копечный, и Якобсон (вслед за Горяевым) в равной мере исходят из предположения о словообразовательной изолированности лексемы в пределах собственно славянского материала и, естественно, вынуждены обращаться непосредственно к индоевропейской реконструкции (подобно Голубу—Копечному) или к таким материально и семантически далеким формам, как русск. *вымя*.

Между тем слав. **udъ* входит в лексико-семантическую группу, которой (в связи с этим словом) не уделялось достаточно внимания. Прежде всего необходимо привлечь к рассмотрению практически не использовавшиеся свидетельства славянских текстов. Сами вариации значения слав. **udъ* — от 'часть тела вообще' до 'член' и 'бедро' — даже в том случае, если не может быть и речи о точной реконструкции значения, указывают на нижнюю половину тела. С этой точки зрения особенно интересна сочетаемость др.-рус. *oudъ*, которое, если исключить специальные употребления для обозначения тела божества (*стѣши oudъ*), обнаруживает ясную тенденцию к совместному употреблению с *плѣть*, *плѣтьныи*, ср. *не плѣтьныи oudъ оуста бѣжи*; *oudъ имуци плѣть* и т. п.⁹

Помимо вероятной отнесенности значения этой лексемы к нижней половине тела, мы практически лишены возможности вынести какие бы то ни было положительные суждения о слав. **udъ* из текстов просто в силу того, что в фольклорных (восточно-) славянских текстах это слово встречается крайне редко (и это, кстати, одна из важных его характеристик). Однако некоторые словоупотребления все же представляют чрезвычайный интерес. Это, в частности, касается гапакса *полоудничек* в загадке о цапах: *Летят гуськи, дубовы носки, летят, кричат. «Полоуднички!»*¹⁰. Другие варианты процитированной загадки явно свидетельствуют в пользу ее первоначальной связи с тематикой плодородия¹¹: особенно интересной становится возможность трактовать деминутив *полоудничек* (и **полоудный*¹²) как результат сложения из *полый* и *уд* (ср. *полоумный*, *пологрудый*). Приведенный гапакс, на наш взгляд, можно рассматривать как указание на то, что рус. *уд* (и его славянские соответствия) обозначает *в ы с т у п а ю щ у ю*

группы слов в статье: Хэмл Э. Miscellanea. — В кн.: Этимология. 1970. М., 1972, с. 263—268.

⁹ Срезневский III, стб. 1155—1156.

¹⁰ Садовников Д. Н. Загадки русского народа. М., 1959, с. 151, № 1295и.

¹¹ Там же (№ 1295а—1295к).

¹² В принципе правомерно реконструировать эту форму, имея в виду морфологическую структуру нашего гапакса и наличие в русском языке прилагательного *удный* (Фасмер IV, с. 149).

часть тела, образующую полость, что, естественно, повышает шансы на выбор значения 'член' в качестве основного.

Мы предприняли этот экскурс в семантику с тем, чтобы показать, насколько естественно слав. **udъ* может быть отнесено к той группе лексем, которые служат как бы координатами в описании человеческого тела (*голова, перед, зад, сердце, ноги*). Налицо, однако, не только содержательное, но и материальное тождество слав. **udъ* с группой слов — «координат» типа **perdъ*, **zadъ*, **nadъ*, **podъ*, соотносимых в качестве существительных с человеческим телом (*зад, перед*)¹³ и несомненно восходящих к соответствующим служебным словам и наречиям, а в конечном счете, к предлогам **per-*, **za-*, **na-*, **po-*. Близость (как смысловая, так и внешняя) слав. **udъ* к этой группе лексем заставляет нас предположить морфологическое членение **u-dъ*, соответствующее модели, которая представлена в **per-dъ*. С другой стороны, нельзя не соотнести первый компонент **u-dъ* со славянским предлогом / префиксом **u*, а второй компонент — с суффиксальным образованием **-dъ*. Таким образом, нельзя не согласиться с Голубом—Копечным в том, как они разбивали слав. **udъ*: граница между морфемами определена ими совершенно точно; более того, формально верно ими определен и первый элемент сложения, поскольку слав. **u*, видимо, действительно восходит к и.-е. **au*. Однако лексема в целом ни в коем случае не может быть отнесена к индоевропейским образованиям — перед нами славянская инновация.

Инновационный характер слав. **udъ* определяется прежде всего некоторыми характеристиками всей группы славянских имен на **-dъ*¹⁴. Хотя проблема их грамматической эволюции не ясна¹⁵, смысловое единство этих лексем не оставляет сомнений

¹³ См. Эндзелин И. Латышские предлоги, т. I. Юрьев, 1905, с. 5.

¹⁴ Происхождение форманта **-dъ* пока не ясно. Вызывает некоторые сомнения принадлежащее еще Ягичу (*Jagić V. Das Leben der Wurzel dhē- in den Slavischen Sprachen. Agram, 1871*) сближение **-dъ* и и.-е. **dhē-*, хотя факты вроде слав. **naditi* (*Трубачев О. И. Этимологический словарь славянских языков. Проспект. Пробные статьи. М., 1963, с. 64*) и слав. **pidъ* (*Трубачев О. И. О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи). — В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международной сессии славистов. М., 1963, с. 182*) как будто говорят в его пользу. Вслед за Стангом (*Stang Chr. S. Eine preussisch-slavische (oder baltisch-slavische?) Sonderbildung. — Scando-slavica, v. 3, 1957, p. 236*) следует отклонить традиционное сближение **-dъ* с некоторыми греческими и индоиранскими служебными морфемами (*Meillet A. Chronique. Généralité. — RÉS, IX, 1929, p. 127; Idem. Sur l'étymologie de la préposition podŭ. — В кн.: Сборник филологических и лингвистических студий А. Белибу. Београд, 1921, с. 24—26*). Стангу (*Stang. Op. cit., p. 236*) принадлежит перспективное сближение с вост.-балт. морфемой в *pirsdau* 'перед' и др., подержанное Топоровым (*Топоров В. И. Прусский язык. М., 1975, с. 344*), сопоставившим **-dъ* и указательный элемент **di-*. Не отражает ли **-dъ* древнюю локативную частицу, отразившуюся также в форме и.-е. отложительного падежа?

¹⁵ Ср. гипотезу Станга (*Stang. Op. cit., p. 236*).

в их общем происхождении. Так же несомненно и то, что формирование этой группы, а равно и ее семантическое развитие обусловлены наличием попарных противопоставлений типа **perdъ* / **zadъ*: так употребление **nadъ* в качестве предлога, видимо, не обошлось без влияния антонимичного **podъ*¹⁶. При всем разнообразии возможных толкований компонента **-dъ* и грамматического развития этих лексем (от полнозначности к синкатегорематичности, или наоборот), для нас здесь важнее всего то, что слав. **udъ* морфологически тождественно **perdъ*, **zadъ*, **nadъ*, **podъ*, для которых имело место хотя бы вторичное гомогенное развитие в сторону обозначения частей — resp. сторон человеческого тела¹⁷.

Лексемы на **-dъ*, о которых идет речь, лишь постепенно образовали единство — об этом свидетельствует и тот факт, что лишь часть лексем имеет соответствия в балтийском¹⁸. В случае форм **nadъ* и **podъ* мы имеем уже аналогические образования на собственно славянской почве. То же (в силу отсутствия внешних параллелей) касается и слав. **udъ*; можно предположить, что возникновение этого слова связано с табу, естественно касавшимся обозначений частей тела (это относится вообще говоря, и к другим членам группы). Кроме того, в свете сказанного выше о **serd-* в славянском, в системе «координат» тела ему естественно противопоставляется **udъ* ('внутреннее', 'центральное' — 'внешнее', 'полое') и образует оппозицию того же типа, что и **perdъ* — **zadъ*, **nadъ* — **podъ*. Таким образом, формирование этой лексемы завершает построение симметричной системы оппозиций, члены которой предназначены для специфического обозначения «сторон» тела. Как еще одно подтверждение предложенной этимологии следует рассматривать также типологическую достоверность такого описания человеческого тела, при котором как значимые точки выделяются 'верх', 'низ', ('левая / правая сторона'), 'зад', 'перед' и два центра — 'сердце' и 'penis'. Происхождение соот-

¹⁶ Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Sv. 1. Tento svazek sestavil F. Kopečný. Praha, 1973, с. 127.

¹⁷ Несмотря на отсутствие прямой генетической связи между славянскими образованиями на **-dъ* и обозначениями 'сердца' и 'середины' — **srd-*, **serd-*, есть основания полагать, что на славянской почве они сблизились на основе формального и смыслового сходства. На это обратил внимание еще Вондрак, но сделал из этого неверный вывод о влиянии **serd-*, приведшем к появлению форманта **-dъ* (*Vondrák V. Vergleichende Slavische Grammatik*, Bd. 2. Göttingen, 1928, S. 298). Иначе о **kerd-* в славянском ср. Иванов В. В. Типология развития славянских и индоевропейских предлогов и послелогов. — В кн.: Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973, с. 51 сл.

¹⁸ Помимо указанных выше славяно-восточнобалтийских сближений особо укажем на тождество слав. **pridъ* (блр. *prid*, серб. *príd* болг., мак. *прид* 'приданое') и лит. *priėdas*, лтш. *prieds* (*Трубачев О. Н.* О составе праславянского словаря (Проблемы и результаты). — В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963, с. 182 — без указания болг., макед. *прид*).

ветствующей системы обозначений в славянском, вызванное такими причинами, как табу, представляет немалый интерес, тем более что в засвидетельствованный период славянские языки развили уже второй круг эвфемистических замен для таких единиц, как *уд* и (хотя бы частично) *зад*. Замечательно, что в качестве нейтральной замены *уд* в современном русском языке выступает другой элемент той же системы — *перед*.

Включение слав. **udъ* в указанную парадигму¹⁹, в первую очередь, подкрепляет само предположение о существовании этой праславянской словообразовательной модели, непродуктивной, но внутренне весьма последовательной, что как раз и говорит о ее праславянской древности²⁰. С другой стороны, это дает нам право остановиться на значении 'член' как на исходном для данной лексемы. Это значение в свою очередь развилось на базе древнейшей семантики слав. **и*, и таким образом, продолжает значение 'то, что вне', 'то, что вне тела'²¹. Следует еще раз заметить, что эта этимология (точнее, ее составные части) фактически уже предлагалась Голубом—Копечным. Однако они не обратили внимания на словообразовательную модель и лексическую парадигму, в которые входит исследуемое слово, и приняли славянскую н о в а ц и ю за древнейшее индоевропейское словосложение.

¹⁹ Реальную не только семантически, но и формально. Так, обращает на себя внимание очевидная тенденция форм на **-dъ* в предложной функции к управлению винительным и творительным падежами — при том, что никакой регулярности этого рода не удастся обнаружить в исходных предложениях — **na* и т. п. В ряде случаев, как известно, члены этой парадигмы дают производные глаголы на **-iti*.

²⁰ В общем плане об этом см. *Трубачев О. Н.* Из праславянского словообразования: именные сложения с приставкой *a-*. — В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971, с. 267—272.

²¹ Последнее — если принимать гипотезу В. Н. Топорова относительно специфических указательных функций слав. **-d-/балт. *di-* (см. *Топоров В. И.* Указ. соч., с. 344) или, как было предложено выше, видеть в **-dъ* элемент, родственный **-ed* в составе н.-е. форманта отложительного падежа **o-ed > *od*.